

Жанна Швыдка

ОГРАНКА

Первая книга декалогии
«Гравитация жизни»

Искренний взгляд туда,
где таится код
от криптограммы судьбы

Издание второе дополненное и переработанное

Ж-В-П 28111971

Ж-В-П 30061989

Ж-В-П 28111971

12+

Ж-В-П 30061989

Жанна Швыдкая

**Огранка. Первая книга
декалогии «Гравитация жизни»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Швыдкая Ж.

Огранка. Первая книга декалогии «Гравитация жизни» /
Ж. Швыдкая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08362-2

Эта книга о корневом – она о детстве. Именно детство является исходной точкой самопознания, его уроки осмысливаются всю дальнейшую жизнь, а заложенные в детстве ценности становятся путеводными маяками совести. В человеке есть все, но о той, другой стороне, как правило, не говорят. Заглянуть в себя непросто. Эта книга о том, как гранится характер и закаляется воля, как вопреки всему девочка из провинциального городка Украины последних десятилетий СССР пытается стать личностью, в то время когда вокруг низвергаются вожди, плавится мировоззрение целых поколений и настоящее выскабливает будущее.

ISBN 978-5-532-08362-2

© Швыдкая Ж., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Об авторе	6
Благодарность	7
Предыстория создания декалогии «Гравитация жизни»	8
Глава 1. «Магнитное» притяжение	11
Глава 2. Сладкое искушение	15
Глава 3. «Солнышко»	17
Глава 4. Без вины виноватая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глубокоуважаемый читатель!

В ваших руках книга. В ней проявлено то, что присуще каждому человеку, но о чем не принято говорить вслух. В человеке есть все. В зависимости от обстоятельств что-то из этого проявляется, а что-то выжидает своего часа. Излагая без прикрас свою жизнь и свои чувства, я делала это с добрыми намерениями. Надеюсь, что мои истории помогут вам заглянуть в себя.

*Искренне ваша,
Жанна Швыдкая*

Об авторе

Жанна Швыдкая родилась за двадцать лет до распада СССР в маленьком украинском городке, куда ее родители переехали из близлежащего села, чтобы влиться в класс заводских рабочих. Сельский уклад жизни, национальная самобытность семьи, в то же время традиционное советское воспитание с сильным идеологическим подтекстом оказали влияние на формирование ее базовых ценностей.

Стремление к чему-то большему с ранних лет мотивировало работать над собой, трудом, характером и силой воли пробивая дорогу. Окончила Киевский государственный университет и факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работала в области связей с общественностью, управляя коммуникациями в российских и иностранных компаниях, способствовала развитию науки и профессиональных сообществ. Занималась продвижением образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), возглавляла службу по связям с общественностью Высшей школы менеджмента (ВШМ СПбГУ).

Стремительная карьера и профессиональный успех распалили амбиции, но покорение очередной вершины приносило лишь временное удовлетворение. В тридцать семь лет обнаружила собственного «сурка судьбы», мечущегося в клетке из базовых установок разума. Пережила глубокий психологический кризис. Выстоять помогло изложение на бумагу своих чувств и мыслей. Так проявлялись автобиографические истории, зарождались главы и книги, ставшие впоследствии декалогией «Гравитация жизни». И только двенадцать лет спустя автор решалась опубликовать первую книгу декалогии – «Огранка». В 2019 году книга «Огранка» стала финалистом конкурса «Open Eurasia» в Лондоне.

Благодарность

Ветер сглаживает горы, море обтачивает камни, время исцеляет сердца. Слово способно запустить череду перемен в судьбе. Благодарю своего супруга, который однажды сказал: «Публикуй. Это надо людям».

*С любовью и благодарностью,
Жанна Швыдкая*

Предыстория создания декалогии «Гравитация жизни»

Сидя в зеленом кожаном кресле за письменным столом с такой же зеленой столешницей, я смотрела из окна квартиры на двадцать первом этаже на стальное питерское небо, и даже гранитные атланты были не в состоянии защитить от гнетущего давления всеобъемлющей беспросветности. Мне тридцать семь, и каток жизни уже успел по мне пройти. Расплющил, но, по-видимому, не до конца. Внутри все еще что-то трепыхалось, пытаюсь понять: кто я, что со мной не так и как жить дальше? Я не могла найти ответ даже на первый вопрос, а всякое всплывавшее определение отражало лишь одну из многочисленных личин – социальный статус, достижения в карьере, роль в семье или что-то еще, – не отвечая при этом на корневой вопрос: кто есть я? А без этого размышлять о более сложных материях бессмысленно.

В очередной раз я осталась без работы. У меня не было ни доходов, ни накоплений, зато, словно могильная плита, давили двадцать лет предстоящих выплат по ипотеке и бушующий на дворе мировой экономической кризис. Но пугало даже не это. Я вдруг осознала, что ненавижу свою профессию. Она больше меня не вдохновляла. Я выгорела. Внутри дымилось пепелище. Все, ради чего я жила, зубами вонзаясь в карьерную лестницу, потеряло всякий смысл. Моя профессиональная ипостась умерла, удушив при этом и социальную. Ничего другого делать я не умела и в попытках найти ответы на мучающие меня вопросы металась между разными эзотерическими и психологическими учениями, все глубже зарываясь в навалившиеся проблемы. Периодически прошлое возвращалось, и я, как птица феникс, опять оживала, надевала привычную маску, ярко вспыхивала, делала для очередной компании, казалось бы, невозможное, но, в очередной раз поняв бессмысленность всего этого для себя, снова сторала.

Судьба штормила: то дарила надежду, то вновь растаптывала, не позволяя ни полноценно возродиться, ни окончательно рассыпаться. Эта агония длилась годами, мучила, била по нервам, испепеляла. Я не понимала, кто я, в чем мое предназначение. Я не видела смысла в том, что делала, как не видела его ни в чем другом. Мои «навигационные приборы» вышли из строя, система дала сбой. Я потерялась. Я все еще находилась на орбите жизни, но имеющихся сил гравитации для удержания уже было недостаточно. Помощи ждать было неоткуда, да и вряд ли кто-либо смог помочь: даже семейная твердыня, неоднократно являвшаяся для меня надежным укрытием, на этот раз спасти не могла. Стоя перед вечным выбором, я сама должна была решить: быть или не быть?

Но... меня уже почти не осталось. Оставшиеся от моей личности ошметки были не способны ни на какой выбор, а тем более отвечать за последствия этого самого выбора. Порой мне казалось, что все происходящее со мной – затяжной сон, ирреальность, по окончании которой непременно начнется настоящая жизнь. Ощущение временности призрачной тенью скользило за мной, и что бы я ни делала, по большому счету было уже не столь важно. Однако то, что внутри все еще трепыхалось, неожиданно заявило: «Быть!» – и я, облеченная этим выбором, обреченно его приняла.

Я все еще не знала, с чего начать, пока не поняла, что для движения дальше нужна точка опоры, точка отсчета, точка осознания собственного «я». Такой точкой для меня стало детство. Именно детство, которое есть не только временной отрезок, состоящий из череды изменяющихся размеров обуви и числа свечек на праздничном торте. Детство – это то, что нас лепит, что навсегда остается в нашей памяти и влияет на всю дальнейшую жизнь, даже если воспоминания о нем мы отправим в потайную каморку в нашей памяти и никогда не решимся их оттуда извлечь.

Я решила. Чтобы разобраться в себе, я начала писать. Год за годом я прорастала сквозь страницы, и каждая новая строка освобождала меня от бремени прошлого. Страница за страницей я проживала свою жизнь еще раз, перемещаясь в уже знакомой системе координат. Слу-

чалось так, что успокоения не наступало, я удаляла целые главы, а потом снова и снова возвращалась к зацепившему меня эпизоду. Конечно же, исправить прошлое я не могла, но в моих силах было осмыслить повлиявшие на мою судьбу события, понять других, простить себя. Теперь я сама решала, что именно из этой потайной каморки памяти стоит взять с собой, а что лучше навсегда отпустить. Я примирилась с прошлым, и оно постепенно отпусало.

Шаг за шагом перебирая свою жизнь, я неожиданно обнаружила целую россыпь пробоин в системе самоидентификации, сторонние наросты в целях, гнильцу в характере, шипы былых обид в сердце и множество страстей, извечно неискоренимых и внезапно проявляющихся, словно черт из табакерки. Что-то из этого проросло из детства, что-то укоренилось в молодые годы, а что-то рождалось здесь и сейчас, стоило лишь оказаться в соответствующих для его зарождения условиях. Все пребывало во мне.

Избрав «Быть!», я «вскрыла» и «выпотрошила» себя, исследовала самое сокровенное, представив на всеобщее обозрение человеческую суть. Я словно развалилась на атомы, оголив при этом душу, омыла ее раскаянием и прощением, без остатка отдавшись неизведанным ранее чувствам. Освободившись от бремени прошлого, я смогла нащупать внутри точку опоры. Я вновь дышала. Я опять жила. Я заново обретала себя.

«Огранка» – дебютная для меня книга, но именно она оказалась решающей в сражении за себя. Она изменила меня. Она же предопределила последующие книги декалогии «Гравитация жизни».

Декалогия «Гравитация жизни»

«Гравитация жизни» – это художественный отпечаток времени, пространства и судьбы человека на стыке эпох, представленный в уникальном цикле из десяти автобиографических книг. Каждая книга охватывает определенный хронологический отрезок и рассказывает о том, как под воздействием гравитации жизни происходит трансформация личности. В бесценное ожерелье нанизаны сотни живых историй, произошедших с героиней на ее жизненном пути, позволяя тем самым читателю проследить и понять, как заложенные в детстве ценности влияют на взрослую жизнь, как сформированные ранее установки предопределяют будущий выбор и как ошибки прошлого шипами прорастают в настоящем. Книга за книгой, начиная с внешнего детства и вскрывшейся ото льда юности, и дальше к необузданной молодости, испепеляющей зрелости, выжженному экватору, перепрограммировавшей навигационные координаты зрелости, цельной золотой мудрости и, наконец, приближаясь к тихой вечности – вместе с автором читатель словно препарирует обнаженную душу героини и проникнет туда, куда обычно не стремятся попасть: не стремятся, потому что больно, потому что горько, потому что страшно.

Почему «гравитация жизни»? Избегая бездонных кротовых нор мудрствования, можно сказать, что точно так же, как гравитация в смысле физического явления управляет Вселенной и влияет на пространственно-временной континуум, точно так же гравитация жизни в метафизическом понимании влияет на каждого конкретного человека, формируя траекторию его жизненного пути. Чем больше плотность накопленных у человека проблем, чем большей массой они на него давят, чем дольше он все это в своем сердце спрессовывает, тем сложнее становится выдержать тяжесть жизни, и тем сильнее искривляется пространство судьбы.

С раннего детства человек складывает в свой рюкзак за спиной камни обид, разочарований, ненависти, зависти, злобы, и чем дольше он пребывает на своем жизненном пути, тем тяжелее становится рюкзак на его плечах. Вскоре рюкзак переполняется, скорость движения замедляется, и за каждым шагом в гору следуют два вниз. В какой-то момент рюкзак окончательно придавливает путника, тот спотыкается и падает. Преодолеть тяжесть ноши ему не под силу, сбросить рюкзак он тоже не может – за десятки лет ляжки вросли в плоть, а каждый камень спекся с сердцем. Человек в отчаянии. Он страдает. Он начинает сетовать на выпавшую

долю и несправедливость мира, обвиняя все и всех вокруг, вместо того, чтобы выйти из потока жертвенной неосознанности и, наконец, открыть свой рюкзак. Заглянуть в себя непросто, от клейма прожитых лет не избавиться, да и усвоенный ранее опыт влияет на последующий – закон причинно-следственных связей никто не отменял, тем не менее это не исключает возможность получения нового опыта, даже если он и не согласуется с предыдущим. Лишь поняв, приняв и простив, можно избавиться от давящего гнета прошлого, начать доставать камни из рюкзака и отпускать их с горы. А когда рюкзак опустеет – на дне обнаружится таинственный ключ от криптограммы судьбы, и путник разгадает загадку Вселенной. Он вдруг поймет, что гравитация жизни не только давит своей тяжестью, но окрыляет своей притягательностью, и, поняв это, продолжит свой путь, но уже осознанно. О пути автора к этому осознанию декалогия «Гравитация жизни».

Жанна Швыдкая

Начало и конец

«Самый бестолковый конец конца – оказаться зарытой в землю под каким-нибудь каменным надгробием или крестом в окружении тысяч таких же изваяний на бескрайнем кладбищенском поле, до середины которого не всякая птица долететь сможет. Мало того что земля вынужденно простаивает, так еще пользы от этого ни себе, ни планете, разве что гробовщики с церковнослужителями при деле будут, да черви порадуются. В качестве альтернативы годится и кремация, конечный продукт которой можно в колумбарии разместить, развеять по ветру или скормить рыбкам, но и в этом толку мало. Совсем другое дело – превратиться в ветвистый дуб или пушистую сосну, выросшие из семени внутри биокапсулы с сочным удобрением из моего, отпустившего к Богу душу тела. И неважно, что в тот самый момент, когда наступит конец конца, никакого дела ни до дуба, ни до сосны, ни до березы с осиною мне уже не будет, осознание того, что хоть в чем-то я смогла принести пользу, – сам этот факт наполняет конец смыслом. И если рядом с моим Я-деревом появятся сотни, тысячи таких же Я-деревьев других людей, целые дубовые рощи, сосновые боры и даже яблоневые сады, то, возможно, у человечества появится шанс заслужить у природы прощение», – размышляла я, представляя бескрайние леса с перешептывающимися деревьями.

С любовью, благодарностью и осознанием...

Глава 1. «Магнитное» притяжение

Я нисколько не сомневаюсь в том, что за двести восемьдесят дней до моего рождения, в час, когда самый сильный и быстрый сперматозоид моего тата достиг прекрасную молодую яйцеклетку моей мамы, запустив отсчет новой жизни, на дворе светило яркое февральское солнце, которое и подарило мне абсолютно круглое солнечное личико с рыжими точечками веснушек, появившимися как раз в начале весны. Точно в отмеренный природой срок в родильном отделении больницы города Канева Черкасской области Украинской ССР на свет появилось человеческое существо женского пола, первым своим криком заявившее о приходе в этот мир.

Задолго до этого события, за IV–III тысячи лет до нашей эры, в период медного века на этих землях проживали представители трипольской культуры, о чем свидетельствуют раскопки многочисленных курганов и городищ. Позже здесь селились древнеславянские племена, а в XI веке через эти земли пролегал легендарный путь «из варяг в греки». Как свидетельствует история, именно тогда киевским князем Ярославом Мудрым и был заложен Канев, сыгравший заметную роль в жизни Древней Руси. В XVI веке город стал центром казачества, здесь же находился Каневский полк реестровых казаков Войска Запорожского, стоявший на государственной военной службе по обороне южных границ Польско-Литовского государства. Именно на этих землях происходили крупнейшие казацко-селянские восстания против религиозного и социального угнетения православного населения со стороны Речи Посполитой. Ниже по течению Днепра, за порогами, располагалась непосредственно сама Запорожская Сечь, низовая вольница, являвшая собой свободное объединение бежавших от панского гнета селян и притесненной польскими и литовскими магнатами украинской шляхты, стремившейся в том числе за счет походов улучшить свое благосостояние. В 1654 году, после Переяславской рады, каневские земли наряду с другими землями Гетманщины на основании прошения гетмана Войска Запорожского Богдана Хмельницкого русскому царю Алексею Михайловичу вошли на условиях автономии в состав Русского царства.

Царское правительство не собиралось долго мириться со своеволием, свободолюбием и дикими нравами казаков, не желавших подчиняться никакой внешней власти и служивших тому, кто больше платит, регулярно грабивших караваны купцов и совершавших опустошительные набеги на соседние государства. Усугубляли положение и внутренние распри казацкой старшины, ее непомерное обогащение на фоне обнищания и закрепощения простых казаков. Все это постепенно привело к развалу Войска Запорожского, и Гетманщина утратила свою политическую автономию. Предательство гетманом Иваном Мазепой русского царя Петра I и победа Российской империи в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов вынесли Запорожской Сечи окончательный приговор: надобность в казаках в качестве заслона на южных границах отпала, и Сечь была окончательно ликвидирована. Верховное казачество, изнеженное на пуховых перинах, получило право на крепостничество¹ и выродилось в украинское панство, заняв место изгнанных польских панов. Вольные казаки отправилась в устье Дуная и на Кубань, основав там новые поселения, среди которых была и кубанская станица Каневская, начало которой положено Каневским Сечевым куренем.

За свою древнюю историю Канев многократно переходил из рук в руки различных заводителей, неоднократно был разрушен и возрожден вновь. К моменту моего рождения город был больше известен горой Чернечей над Днепром, называемой в народе Тарасовой горой, на которой покоится прах великого украинского поэта и художника Тараса Шевченко; могилой замечательного детского писателя Аркадия Гайдара, на примерах героев произведений кото-

¹ Указ Екатерины II от 3 мая 1783 года

рого воспитывалось не одно поколение советских школьников; и, конечно же, ожесточенными боями на каневском и ржищевском плацдармах в 1941 году при обороне южных подступов к Киеву. О славном историческом прошлом родного города в школе нам никто ничего не рассказывал, а если и упоминали что-то, то вскользь, тщательно обходя историю каневского казачества, словно опасные Днепровские пороги.

Старая часть города, являвшая собой частный сектор с вишневыми садами, вольно раскинулась на высоких зеленых холмах над Днепром, новые же девятиэтажки возводились на намывных территориях вдоль всего побережья. В начале 60-х годов XX века размеренная жизнь провинциального городка круто изменилась – началось строительство Каневской ГЭС с водохранилищем и электромеханического завода «Магнит», толстым панцирем взгромоздившегося на остатках той самой трипольской культуры. В город потянулись строители со всех уголков Советского Союза. Заводу требовались тысячи рук для работы на новых высокоточных станках, выпускавших комплектующие для оборонной промышленности страны. Огромные серые заводские корпуса, соединявшиеся между собой длинными переходами, были обнесены по периметру высоким бетонным забором, в границах которого все было строго регламентировано. Постепенно жизнь городка задышала в одном ритме с градообразующим гигантом: расписание автобусов было перестроено в соответствии с графиком начала и окончания смен на заводе; в детских садах и яслях рабочий день начинался на час раньше утренней смены на заводе; открылось профессионально-техническое училище при заводе, готовившее квалифицированных токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков и мастеров; ударными темпами строился жилой микрорайон со всей необходимой инфраструктурой, в котором через пять-семь лет работы на «Магните» можно было абсолютно бесплатно получить квартиру.

С «Магнитом» связывала свое будущее практически каждая молодая семья – он притягивал к себе, манил и давал уверенность в завтрашнем дне. Для многих молодых парней и девочек из окрестных сел новый завод-гигант в райцентре стал решающим фактором в судьбе, позволившим детям потомственных крестьян перешагнуть в класс рабочих, получить специальность, стабильную зарплату и основные блага социалистического общества. Мои родители не стали исключением.

Мама и тато (так было принято на Украине называть отца) переехали в Канев из близлежащего села Козаровка сразу после свадьбы. И хотя их родители решение детей оторваться от своих корней не одобряли и даже противостояли этому, тем не менее мама и тато этот шаг сделали, избрав свой путь. Они были молоды, влюблены и счастливы, а впереди была целая жизнь. Своего жилья в городе у них не было, и первое время родители снимали крошечный угол в старом доме в конце длинной улицы. Вот туда меня и привезли из родильного дома, и именно там девочка с необычным для советских детей именем Жанна начала познавать мир. Почему именно Жанна – родители объяснить не смогли, но, вероятнее всего, они просто решили принести в судьбу своего ребенка что-то необычное, свежее, ими неизведанное.

От комнаты, в которой тогда мы жили, запомнилось лишь ощущение сырости и полумрака из-за старых деревьев с огромными кронами, растущих перед нашими окнами, а вот высокая горка, на которую по много раз за день приходилось взбираться, осталась, пожалуй, самым отчетливым воспоминанием. Каждый раз после дождя шумные ручейки устремлялись вниз по склону, унося с собой мелкие камешки, песок и цветные разводы от бензина. Я ставила бумажный кораблик на воду и бежала за ним, пока ручей вместе с корабликом не исчезал в ближайшем овраге. Когда потоки воды стихали, в русле можно было найти настоящие сокровища: гладкие зеленые бутылочные стекла, остатки перламутровых ракушек и даже мелкие монеты. Весной на склоне вспыхивали желтые головки мать-и-мачехи, которыми я украшала песочные пасхи, а летом покачивались на ветру нежно-фиолетовые колокольчики и лазурные васильки.

Когда мама забеременела моей сестрой, стало понятно, что в крошечную комнатку, где едва помещались старый диван и моя кроватка, втиснуться вчетвером уже не получится, и семья переехала в дом с двумя комнатами, одна из которых одновременно являлась и спальней, и кухней, и гостиной, и даже прачечной с помывочной. Дом располагался на высоком пригорке у развилки главной дороги микрорайона Костянец и казался таким ветхим, словно в нем прожило не одно поколение предков старушки, которая и сама лишь недавно в нем померла. Соломенная крыша, густо покрытая зелено-коричневым мхом, вся почернела и местами прогнила, отчего вода во время дождя капала с потолка в расставленные на полу, на столе и даже на кроватях металлические ведра и тазы. Я радостно подставляла ладошки, брызги орошали лицо и разлетались по комнате. Вода собиралась в лужицы в неровностях старого, прогнившего вишневого линолеума, сквозь дырки в нем проникала до земляного пола, который мгновенно раскисал. Глиняные стены с мышинными тоннелями покосились и потрескались, и казалось, что дом вот-вот завалится набок, крошечные окна вросли в землю, а двери давно не попадали в проемы и выполняли больше декоративную функцию. Небольшая печка с двумя конфорками, призванная готовить еду и отапливать обе комнаты, со своей задачей давно не справлялась, в доме всегда пахло сыростью, плесенью и вдобавок еще нафталином.

Первым делом тато вынес из дома и сжег всякое старье, затем укрепил фундамент, заменил разбитые стекла и подровнял перекошенные двери. Мама замазала кизяком (конским навозом, перемешанным с глиной и соломой) трещины в стенах и аккуратно все побелила. Своего колодца в нашем дворе не было, поэтому родителям приходилось ходить за водой к соседям через дорогу, а потом поднимать тяжелые ведра к нам на пригорок. Туалет представлял собой обычное деревенское отхожее место без света и располагался в огороде, метрах в двадцати от дома. Зимой ветер надувал в него сквозь щели снег, и мама часто простывала, для меня же в сенях дома было припасено специальное ведро.

Рядом с домом находился центральный магазин «КООПТОРГ» с полуразрушенным кирпичным крыльцом, бессменными мухоловками, свисающими липкими лентами с потолка, и горками сладкой, чуть подтаявшей халвы за мутными стеклянными витринами. Халва манила меня своим густым ароматом, и я очень хотела быть хорошей девочкой, чтобы мама мне ее купила. Окрестные жители, срезая путь в магазин, ходили напрямик через наш двор, вдоль окон, и я часто наблюдала, сидя за кухонной тумбой-столом, покрытой новенькой цветастой клеенкой, как чьи-то ноги идут сперва в одну сторону, а через некоторое время возвращаются в сопровождении сетчатой авоськи с продуктами. Заросли дерезы с маленькими фиолетовыми цветочками и красными ягодами, которые все почему-то называли волчьими, плотной колючей стеной отгораживали наш двор от большой дороги. Нередко на многочисленных проплешинах среди кустов собирались местные выпивохи, и тогда до самой ночи разлетались их крики и песни. Иногда среди ночи кто-то начинал колотить к нам в окна, требуя водки, и, не найдя отклика, засыпал прямо среди помидоров или картошки в огороде за домом.

Рядом с входной дверью располагалась еще одна, которая вела во вторую часть дома, — маленькую комнату, служившую сараем. Тато держал там свой красный мотоцикл «Минск», канистры с бензином и всякую хозяйскую утварь. В его владениях всегда был идеальный порядок, к чему он приучал и меня. Гвозди, болты, гайки, шурупы и прочие мелочи были рассортированы в соответствии с их размером и назначением по серым пластмассовым баночкам из-под чистящего кухонного средства, каждая из которых была непременно подписана и занимала строго отведенное ей место на полке. Стены сарая были поделены на зоны, в которых отдельно размещались запчасти для мотоцикла, слесарные инструменты, лопаты, грабли, коса и другие необходимые в частном доме вещицы. Все свободное время тато проводил в этом сарае. С техникой он всегда дружил, содержал ее в идеальном состоянии, все время что-то разбирая, перетирая, смазывая и собирая. Летом, когда мы возвращались из села домой, я всегда сидела спереди на бензобаке, крепко держась за руль, мама ехала сзади, одной рукой удерживая между

собой и тато сестренку, второй – сумку с продуктами на колене, а на багажнике всегда крепился еще мешок с овощами. Не знаю, какие прочностные характеристики закладывали создатели в эту двухколесную машину, но с суммарным семейным весом в двести с небольшим килограммов она справлялась прекрасно.

Вряд ли задумывались тогда молодые Лида и Вася Пономаренко, что, связав свою судьбу с Каневом и «Магнитом», приняв это смелое решение и сделав такой ответственный шаг, они в корне изменили не только свою жизнь, но и мою с сестрой, и последующих поколений. Для меня это стало примером того, что человек может и должен влиять на свою судьбу и формировать свое будущее. И за это я им безгранично благодарна.

Глава 2. Сладкое искушение

Недалеко от дома была большая лужа с темным илистым дном. Чтобы пробраться к ней, мне приходилось преодолевать высокую земляную насыпь и старую, поросшую сорняками свалку. В один из жарких летних дней я обнаружила, что лужа высохла, дно растрескалось и стало похоже на черные плитки шоколада. Некоторые «плитки» были еще влажные, словно подтаяли на солнце, и глянцево блестели, другие, наоборот, уже пересохли и скрутились в трубочки. Неожиданно найденная огромная «шоколадка» подействовала на меня завораживающе, и в следующее мгновение я бросилась собирать «плитки», сразу же отправив первый кусок в рот. Получилось невкусно, уж точно несладко и до слез обидно. Я начала выплевывать землю, растирая ее ладшкой по заплаканному лицу, и мне очень-очень захотелось, чтобы прямо сейчас у меня в руках оказался цветик-семицветик* (Сказка «Цветик-Семицветик», В. Катаев, 1940). Сорвав один из семи лепестков, я бы запустила его по ветру и сказала: «Лети, лети лепесток, через запад на восток, облети вокруг Земли, быть по-моему вели!» – и в тот же миг эти черные пластинки превратились бы в настоящий шоколад или мягкий черный гематоген, который мама иногда покупала в аптеке через дорогу.

Со сладостями у меня всегда были особые отношения. Я получала их либо по праздникам, либо когда кто-то приходил в гости, но при этом всегда только за хорошее поведение. У нас никогда не лежали конфеты в вазе на столе, как это было принято у других, а все куда-то пряталось. Может, поэтому мне всегда их так сильно хотелось, а может, и по другой причине: ведь сладости мне давали, только если я их заслуживала, то есть была хорошей девочкой. В такие моменты меня хвалили и всячески показывали, что любят, и чем больше я съедала сладостей, тем лучше выглядела в собственных глазах. Не знаю, что было для меня тогда важнее: конфета или внимание родителей, в любом случае получение обычной конфеты стало в какой-то момент моей главной целью, синонимом счастья, синонимом родительской любви, внешних проявлений которой мне так не доставало.

Однажды моя безудержная тяга к сладкому чуть не привела к беде. Доставая из-под шкафа закатившийся красный резиновый мячик, я обнаружила на полу белые круглые таблетки, похожие на сладкие витаминки-аскорбинки. Забыв про мяч, я тут же собрала их в ладшки и, спрятавшись за шторой у окна, быстро съела. Были они сладкими или горькими, я не запомнила, но вкус воды с марганцовкой, которой мама промывала мне желудок, обнаружив пустые обертки от нафталина, отпечатался в памяти навсегда.

Приезжая в гости к бабушке в село, я первым делом спрашивала, есть ли у нее конфетка. Бабушка заговорщически, словно это был только наш с ней секрет, улыбалась, и я тут же неслась в дом перетряхивать тумбочки и шухлядки. Не найдя заветный мешок на нижнем уровне, я забиралась на спинку дивана и, встав на цыпочки, начинала прочесывать рукой по фанерному шкафу сверху. Где-нибудь в дальнем углу, между альбомами со старыми, выцветшими фотографиями, какими-то белыми узелками, круглой синей медицинской лампой и мамиными пожелтевшими школьными тетрадями мешок со сладостями обязательно находился. Схватив добычу, я прыгала вниз, садилась на диван и опустошала его, старательно сворачивая и складывая пустые обертки обратно в мешок. Сперва уничтожались шоколадные конфеты, затем батончики и ириски, после чего наступала очередь карамелек и барбарисок, а напоследок и сахарного печенья – ну не оставлять же его с пустыми фантиками!

Позже, в школьные годы, втайне от родителей я покупала на сэкономленные от обеда деньги шоколадный батончик с мягкой начинкой, тут же его разворачивала, откусывала большой кусок и мгновенно съедала. Самой вкусной была середина, которая таяла во рту и которую не нужно было долго разжевывать. При всей моей неистовой любви к сладостям я не умела их есть, точнее, получать удовольствие от медленного таяния шоколада во рту или рассасывания

сладкой карамельки: все мгновенно разжевывалось, перемалывалось, перетиралось и заглатывалось. Ключевым для меня являлся сам факт поедания конфеты.

Однажды, классе в пятом, одноклассница Света пригласила меня к себе на день рождения. Опаздывать я никогда не любила, поэтому всегда, даже на уроки в школу, приходила заблаговременно. Ожидая других гостей, мы со Светой играли в гостиную. Через приоткрытую дверь в соседнюю комнату я увидела накрытый праздничный стол, в центре которого стояли хрустальные вазы, доверху наполненные глазированным арахисом и изюмом в шоколаде. Когда раздался звонок в дверь, именинница побежала встречать гостей, а я, не выдержав соблазна, бросилась в соседнюю комнату. Отодвинув расставленные вдоль стола стулья, я пробралась к центру, запустила руку в вазу и принялась наполнять конфетами карманы своего праздничного платья. В этот момент в гостиной послышались чьи-то шаги. Я встрепенулась, пальцы непроизвольно разжались, и конфеты одна за другой звучно посыпались в пустую тарелку. От страха я забралась под стол и начала уничтожать улики, быстро запихивая сладости в рот. Горошинки падали на пол, подпрыгивая на ходу, разбегались по сторонам, а я, пытаясь их поймать, еще больше просыпала из наполненных карманов. Меня тут же обнаружили, и пришлось выбираться из своего убежища на виду у Светы, ее родителей и собравшихся гостей. Краска стыда залила мне лицо, уши пылали, а на глазах выступили слезы. Придумав что-то про игру в прятки, я побежала в туалет, закрылась и, рыдая, все-таки доела оставшийся в карманах арахис.

Придя после школы домой, я первым делом разыскивала спрятанный от меня ключ от бара, чтобы стащить несколько шоколадных конфет из коробки «Ассорти». Со временем коробка опустошалась, мама обнаруживала пропажу, и ключ прятали уже в другом месте. Сам факт наличия конфет в доме иногда настолько сильно начинал меня мучить, что я не могла ни о чем другом уже думать. И лишь съев их, я успокаивалась.

Случалось так, что кто-то из одноклассников звал меня к себе домой вместе сделать уроки, но прежде чем согласиться, я всегда выясняла, что из сладкого есть у него дома. И пока у меня списывали математику или сочинение по литературе, я наворачивала ириски или овсяное печенье, запивая сладким ягодным компотом.

Возможно, моя избыточная тяга к сладкому появилась в ответ на эмоциональную неудовлетворенность. Зерно страсти, присущее каждому человеку по его природе, но прорастающее лишь при наличии подходящих условий, в моем сердце дало крепкие всходы. И если в детстве сладости компенсировали мне отсутствие проявлений любви родителей, то, когда я повзрослела, сладкая напасть уже превратилась в закрепившийся способ получения радости, искушая опустошить за раз банку сгущенки, вместо обеда съесть штук двадцать конфет или недельный запас мороженого.

Глава 3. «Солнышко»

Когда мне было пять лет, родилась сестра Зоя. Это произошло на Пасху, в Светлое Христово Воскресение, 25 апреля 1976 года, так что можно сказать, что ребенок родился светлым и Божьим. Незадолго до этого события меня отправили к бабушке в село, и в тот момент я решила, что родители меня бросили и больше не любят. Я плакала, просила забрать домой, обещала быть всегда послушной девочкой и даже устроила настоящую истерику с громкими воплями и стекающими прямо в рот тягучими потоками соплей, но тато уехал, а я уткнулась зареванным лицом в подол коричневой бабушкиной юбки и еще долго всхлипывала и подрагивала. Дважды в неделю тато приезжал на своем красивом двухколесном мотоцикле, чтобы взять свежих продуктов и молока для мамы, и через пару часов уезжал обратно, оставляя за собой столб дорожной пыли и запах бензина. Страх маленького человека, покинутого самыми любимыми людьми, сильно ранил тогда детское сердце. Неосознанно я вступила в отчаянную схватку с новорожденной сестрой за любовь родителей. Это соперничество длилось вплоть до окончания школы и моего отъезда из дома, а потом, хотя и не проявлялось в столь агрессивной форме, продолжалось еще несколько десятков лет.

После рождения сестры, пока тато был на работе, маме приходилось совершать по восемь-десять ходок в день за водой к колодцу через дорогу, а затем поднимать полные ведра к нам на пригорок. Электрическим кипятильником прямо в ведре мама грела воду, после чего в большом металлическом тазу, называвшемся ночвами, вручную перестирывала гору постельного белья и пеленок, прижимая их к серой ребристой стиральной доске и тщательно натирая желтые пятна от детских «радостей» едким хозяйственным мылом. Затем складывала все в большую, покрытую копотью выварку и кипятила на костре во дворе, переворачивая парящее белье длинными деревянными щипцами. Потом все полоскала в холодной воде и выкручивала, зажимая длинный конец пододеяльника между коленями и сворачивая плотный жгут. Веревки для сушки белья были натянута между двумя потемневшими столбами прямо за нашим домом. Днем на них постоянно что-то висело, а вечером все заносилось в дом, чтобы не спровоцировать шныряющий под окнами окрестный народ покуситься на папину рубашку или детские ползунки. Комплект постельного белья, расшитого узорами по углам и доставшегося маме в качестве приданого на свадьбу, она берегла особо и нередко просила меня присмотреть за ним. Огромные белоснежные, с голубизной от синьки «паруса», развевающиеся на фоне старого, перекошенного дома, казались мне тогда сказочными, и я, загадав желание, пыталась проскочить между ними, ничего при этом не задев. Иногда порыв ветра швырял мокрую простынь или пододеяльник прямо на меня, и стараясь выпутаться, я стягивала его с лица, оставляя следы невымытых ладошек.

Однажды ночью, после кормления малышки, мама налила в стеклянную бутылочку кипятка, чтобы молоко на стенках не закисло, и, не удержав, уронила ее на пол. Отлетевший осколок рассек вену на ноге и сухожилия. Ни у нас, ни у соседей телефона не было, поэтому вызвать скорую помощь посреди ночи было просто невозможно. Мама зажала рану рукой, пытаясь остановить пульсирующую темную кровь, а тато побежал в аптеку напротив в надежде достучаться до фармацевта, проживавшего с семьей в комнатах с обратной стороны здания. После этого случая мама больше месяца на ногу не вставала. Тато перевелся на заводе работать в третью смену, чтобы днем ухаживать за малышкой и мамой, меня же до конца лета он опять отвез в село к бабушке.

Детский сад, в который меня отдали осенью, назывался «Солнышко» и принадлежал, как и многие другие дошкольные и школьные учреждения в городе, заводу «Магнит». От нашего дома к нему вела прямая дорога, километра три вдоль частных домов с высокими заборами. По утрам я часто устраивала забег, мчась без единой остановки до самой калитки детского

сада. Тато за мной, конечно же, не успевал, и нередко расстояние между нами увеличивалось до нескольких перекрестков. Ловко огибая пешеходов, я бесстрашно неслась вперед, пока однажды на одном из перекрестков едва не оказалась под колесами автомобиля, выезжавшего с боковой дороги. От вскрика женщины сзади я остановилась, взглянув на нее, почувствовала неладное и тут же помчалась в обратную сторону, при этом сразу получила пару горячих шлепков от тато. После этого случая в садик меня водили, только крепко держа за руку, не позволяя вырваться даже за разросшимися вдоль дороги синими и желтыми ирисами, называвшимися почему-то петушками.

Было мне тогда лет шесть. Как обычно после утренних занятий в группе нас вывели на прогулку.словно рой диких пчел, мы вырвались из помещения и, жужжа, понеслись на нашу площадку. Добежав до металлической горки, я первой на нее забралась и с визгом скатилась вниз, собрав колготками всю воду после дождя. Ножиданно в мокром песке что-то блеснуло. Я подняла находку и, промыв в луже, начала рассматривать. Это было колечко, настоящее желтое блестящее колечко с тремя белыми камешками. Покрутив его в руках, я надела кольцо на большой палец и побежала похвастаться перед воспитательницей. Она долго рассматривала кольцо, которое сверкало на солнце камнями, расспрашивала, где я его взяла, а потом сказала, что сохранит находку у себя до прихода мамы. Я обиженно оттопырила губки, а из глаз потекли слезы. Получив тут же кольцо обратно, я до конца прогулки не вынимала руку из кармана, стискивая свое сокровище в кулак. По возвращении в группу я завернула колечко в носовой платок, как делала моя бабушка, когда прятала деньги, и забрала его с собой в спальню. Постепенно все вокруг уснуло, а я все еще сжимала драгоценный узелок в ладошке, боясь выронить. Когда пальцы руки совсем онемели, я нырнула с головой под одеяло и, уловив полоску света, проверила, на месте ли моя прелесть. Выбравшись обратно, я вдруг заметила, что мальчик с соседней кровати за мной наблюдает. Не раздумывая, я спрыгнула на пол и, звучно шлепая босыми ногами, помчалась в раздевалку. Открыв свой шкафчик, я никак не решалась разжать кулак. Вначале я хотела спрятать узелок в кармане пальто, затем попробовала оставить в ботинке и, наконец, забравшись на скамейку, положила свою драгоценность в дальний угол на верхней полке и прикрыла шапкой. В этот самый момент дверь открылась и вошла воспитательница. Обнаружив меня в раздевалке во время тихого часа, она сильно разозлилась, начала ругаться, обещая отправить меня в туалет мыть горшки. Взяв за руку, она привела меня обратно в спальню и, уложив на кровать, укрыла с головой одеялом, чтобы мое хныканье не разбудило всех вокруг. Засыпая, я представляла, как похвастанюсь кольцом перед мамой, как спрячу его дома в свою зеленую, с оранжевой белочкой на крышке металлическую банку из-под халвы, в которой хранились все мои сокровища, в том числе большой овальный фиолетовый камень, найденный весной недалеко от дома.

Проснувшись, первым делом я помчалась в раздевалку. Помятый носовой платок лежал прямо сверху на полке, но колечка в нем не было. Решив, что оно просто куда-то закатилось, я бросилась искать. Ползая на коленках по раздевалке, я заглядывала под шкафчики, под скамейки, искала в ящике с игрушками. Достав всю свою одежду, я проверила карманы, вытряхнула ботинки, пересмотрела сменные вещи – кольца нигде не было. Подбежав к воспитательнице, я сказала, что кольцо потерялось и что, наверное, это мальчик, который за мной наблюдал во время тихого часа, его забрал. На что воспитательница тут же заверила, что мальчик спал и что она не знает, куда подевалось кольцо. Я вернулась в раздевалку и, спрятавшись за дверью, тихонько заплакала.

Запах сладкой запеканки на ужин немного осушил слезы, но как только в дверном проеме показалась мама, я тут же бросилась к ней и снова разрыдалась. Сбиваясь, я рассказала ей о кольце и о том, что оно потерялось. К нам тут же подошла воспитательница и на уточняющий вопрос мамы с улыбкой ответила, что ни о каком кольце ничего не знает и что, наверное, мне это просто приснилось. Я пыталась доказать, что кольцо было, показывала смятый носовой

платок, рассказывала про мальчика в спальне, но все напрасно. Крепко схватившись за подол маминого платья, я теребила его, пытаюсь найти у нее поддержку, но мама уже рассматривала аппликацию, которую ей принесла воспитательница. Меня несколько раз похвалили, а мама, заставив меня высморкаться, собрала и положила сменные вещи обратно в шкафчик и повела меня домой. Весь вечер я продолжала твердить о кольце, доказывала, что оно было и что я ничего не выдумала. Обида, безграничная обида, смешанная со жгучим чувством несправедливости, поселились в моем сердце. Возможно, именно тогда и произошел внутренний надлом, породивший впоследствии комплекс неуверенности в себе.

Глава 4. Без вины виноватая

Детей моего возраста на нашей улице не было, и единственным моим другом стал соседский паренек Коля, которого я ласково называла «мой Коля» или «мой мальчик». Он был лет на восемь старше меня, ходил в школу и уже даже косил траву на лугу для черно-белой козы Нюрки. Каждый день я ждала его возвращения из школы, стоя у себя на пригорке, и, увидев вдалеке знакомую фигуру, пускалась навстречу. Мы шли к нему домой, вместе обедали, после чего он доставал из портфеля школьные учебники, тетрадки и дневник и складывал стопкой на столе. Я смотрела на них заворожено, представляя, что, когда пойду в школу, и у меня такие же будут. Иногда я начинала бесцеремонно приставать к Коле, выпрашивая их посмотреть, и тогда он пододвигал ко мне учебник по математике или литературе, каждый раз наказывая не порвать. С волнением я открывала его где-то на середине и с любопытством начинала переворачивать листы, водила пальчиком по картинкам и буквам, представляя, что умею читать. Когда Коля делал уроки, я сидела рядом и на вырванном из тетрадки листке в клеточку рисовала любимым химическим карандашом, регулярно слюнявя его во рту, отчего мои губы, руки и стол обильно покрывались синими разводами. После уроков Коля часто катал меня на велосипеде и даже иногда брал с собой, как он говорил, «по делам», усаживая сзади на багажник и непременно напоминая, что надо широко расставлять ноги и крепко держаться, хотя я и так все уже прекрасно знала. Я искренне привязалась к Коле и очень расстраивалась, когда он долго не возвращался домой. В такие минуты я садилась на ступеньки под дверь его дома и терпеливо ждала, прислушиваясь к шагам за забором. Старшие ребята из дальних домов дразнили нас «жених и невеста», на что Коля очень сердился, а я смущалась.

Надо сказать, что смущалась я всегда и очень сильно. Краска заливала лицо до самых ушей, а щеки пылали жаром. Иногда от смущения я начинала заикаться, от этого еще больше краснела, на глазах выступали слезы, и тогда я прятала лицо в ладонях. Эта ужасная особенность – краснеть от волнения – часто мешала мне нормально общаться с детьми, и даже в зрелом возрасте я могла внезапно заливаться румянцем в самый неподходящий момент.

Был теплый майский день. До летних каникул, когда закрывался детский садик и меня отправляли на три месяца в село к бабушкам, оставалось несколько недель. Коли дома не было, и в ожидании его я играла у себя во дворе. На прогретой солнцем, рыжей глиняной завалинке сидели два маленьких пластмассовых пупсика – «мои детки», как я их называла, а рядом стояла игрушечная коляска с треснувшим колесом, в которой спала белобрысая кудрявая кукла Маша. Сказочный домик из больших замшевых листов лопуха, украшенных аптечной ромашкой, был уже построен, осталось сварить «суп» из спорыша, мягким изумрудным ковром укрывавшего весь двор, и накормить «моих деток».

Кроме круглого, как солнышко, личика, природа подарила мне огромные серо-голубые глаза и соломенные волосы, которые каждое утро мама заплетала в две тоненькие косички и украшала атласными лентами. За день волосы растрепывались, косички становились похожи на пшеничные колоски с мышинными хвостиками на концах, а развевающиеся ленты напоминали шлейф сказочной принцессы, которую я часто рисовала. Порой мне казалось, что фиолетовые колокольчики на моем платье начинали тихонько звенеть, куклы оживали, игрушечная коляска превращалась в прекрасную карету, я ощущала себя этой самой принцессой, и вот-вот должен появиться мой любимый принц.

Вдруг красивая бабочка с яркими синими кругами на черных бархатных крыльях пролетела рядом со мной и села на побеленную стену дома. Подкравшись, я уже было протянула руку, чтобы схватить ее, но в этот момент увидела Колю, который вместе с другими ребятами вышел из магазина и направился на задний двор. Я громко выкрикнула его имя, но он не услышал, бабочка улетела, а вместе с ней побежала и я догонять «моего мальчика».

За магазином уже никого не было, но заросли дерезы все еще шевелились. По вечерам здесь нередко устраивались пьянки, после которых оставались пустые стеклянные бутылки. Местные мальчишки их собирали, тут же сдавали в магазин, а на вырученные деньги покупали сигареты и тайком курили.

Решив, что Коля в кустах, я полезла вовнутрь. В этот самый момент кто-то схватил меня за руку и с силой дернул. Оказавшись на вытоптанной полянке, я увидела друзей Коли – двух братьев из дальнего дома на нашей улице. Старший брат всегда зачесывал густую челку набок и казался артистом из ансамбля по телевизору. Когда он разговаривал, волосы над верхней губой шевелились, и мне всегда становилось смешно. Младший ходил с Колей в один класс, и они часто вместе возвращались после уроков. Он сразу меня узнал и начал дразнить и щекотать. Засмутившись, я попыталась убежать, но за что-то зацепилась ногой и упала. Младший продолжал меня щекотать, задирая платье и непрерывно повторяя: «жених и невеста». Неожиданно старший брат стянул с меня трусики и навалился сверху. Я пыталась вырваться, брыкалась ногами, но другой мальчишка больно удерживал меня на земле. Я громко заплакала. Снаружи раздался чей-то окрик, кусты раздвинулись, и показался незнакомый мужчина с торчащей из кармана темно-синего пиджака бутылкой вина. Он громко выругался – мальчишки испугались и рванули напролом через кусты. Мужчина вывел меня на тропинку, спросил, как меня зовут и где моя мама, после чего взял на руки и понес к нашему дому. По пути я продолжала всхлипывать, растирая грязь и слезы кулачком по пухлым щечкам, а в другой руке крепко сжимала трусики и очень боялась, что мама будет ругать за испачканное платье в синих колокольчиках.

После обеда к нам приехала врач. Она долго о чем-то разговаривала с мамой, затем уложила меня на краешек дивана и широко раздвинула мои ноги. Мама подсвечивала настольной лампой, а врач осматривала. Вечером тато вернулся с работы, и мы пошли к тем мальчишкам. Они жили в большом кирпичном доме за высоким зеленым забором, через несколько дворов от нас. Когда тато открыл калитку, огромная черная собака сорвалась с места и понеслась, гремя цепью, скользящей по натянутому металлическому проводу. Добежав до калитки, она встала на задние лапы, пытаясь дотянуться до нас, ошейник впился ей в шею, лай перешел в хрип, а из раскрытой пасти стекала слюна. Из дома вышел мужчина с зажатой сигаретой в уголке рта, средних лет, в синих спортивных штанах с вытянутыми коленками и в белой майке, обтягивавшей большой круглый живот. Он окриком усмирил пса и грубо спросил, что нам надо. Это был отец тех мальчишек.

Пока взрослые о чем-то громко говорили, я сидела на скамейке в саду и рассматривала большую черную «Волгу». Никогда раньше я не видела машину так близко. Эта же стояла прямо передо мной, во дворе под яблоней, вся такая красивая, со сверкающими металлическими ручками. Словно замороженная, я не сводила глаз с блестящей фигурки оленя на капоте, застывшего в прыжке, и мне казалось, что сейчас он оттолкнется задними ногами и улетит ввысь. В тот момент мне больше всего на свете хотелось прокатиться на этой красивой «Волге», и я уже представила, как сажу внутри и смотрю вперед через большое лобовое стекло.

Мои мечты прервал громкий голос хозяина дома, зовущего своих сыновей. Из сарая появился младший. Увидев меня, он тут же рванул в сторону, но отец успел схватить его за рубашку. Вначале мальчишка от всего отказывался, утверждая, что ничего не знает, но потом под нажимом отца сказал, что это не он, а старший брат во всем виноват. В то же мгновение хозяин дома со всей силы отвесил ему подзатыльник, и, заскулив, мальчишка унесся в дом. Я испугалась, что меня тоже будут ругать, и разревелась. Я так и не понимала, что же произошло тогда в кустах, но, судя по настроению взрослых, случилось что-то очень нехорошее. Отцы еще долго о чем-то резко говорили, а поздно вечером вся улица слышала, как хлестко свистал ремень за зеленым забором и кричал старший из братьев.

Вот и все. Точнее, почти все. О случившемся никто и никогда больше не говорил, а в ответ на мои вопросы взрослые делали вид, что не понимают, о чем я спрашиваю. Своим молчанием родные хотели оградить меня от еще больших неприятностей – ненужных расспросов и вероятных насмешек в будущем. Возможно, в той ситуации это было правильно – общественного обсуждения, а возможно, и осуждения удалось избежать, – но для моей детской психики бесследно это не прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.